

Абагульняючы можна зрабіць выснову, што паміж шляхтай ВКЛ і расійскім дваранствам прысутнічалі як агульныя рысы, так і было шмат адрозненняў. Шляхта і дваранства былі тыповымі прывілеяванымі саслоўямі ў феадальных дзяржавах. Аднак, як адзначаюць многія даследчыкі, шляхта ў ВКЛ складала 10–12 % ад агульнай колькасці насельніцтва, у расійскай жа дзяржаве колькасць дваран не перавышала 1–4 %. У саслоўе шляхты трапіла, акрамя феадалаў, значная колькасць ваеннаслужылых сялян у сувязі з працэсам акаталічвання насельніцтва (заахвочваннем іх у каталіцкую рэлігію) і іншымі прычынамі. Пры гэтым шляхта мела больш правоў і прывілеяў, якія былі замацаваны ўжо ў Статутах XVI ст., у адрозненне ад дваранства Расійскай імперыі, прававы статус якога быў канчаткова аформлены толькі ў XVIII ст. Шляхта ВКЛ, карыстаючыся сваімі правамі, значна больш актыўна ўдзельнічала ў палітычным жыцці дзяржавы (прымала ўдзел у вальных соймах, соймаках, засядала ў радзе і інш.).

Надольская А. И.

ФОРМА ЭЛЕКТРОННЫХ СДЕЛОК КАК УСЛОВИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Надольская Анастасия Игоревна, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь, a_nadolskaya99@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Свадковская Е. А.

Совершение сделки в надлежащей форме – необходимое условие ее действительности. Согласно п. 1 ст. 159 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) сделки совершаются устно или в письменной форме.

Основным признаком устной формы сделки выступает непосредственное восприятие участниками правоотношений друг друга. Письменная форма сделки характеризуется закреплением на материальном носителе воли субъектов, что позволяет обеспечить доказательства действительности направленности их намерений.

Для соблюдения письменной формы сделки ГК устанавливает следующие основные требования: 1) наличие текстового документа, включая документ в электронном виде (в том числе электронный документ), который выражает содержание сделки; 2) подписание такого документа: а) лицами, которые совершают сделку, б) должным образом уполномоченными ими лицами; 3) подписание такого документа должно быть осуществлено: а) собственноручно; б) с использованием средств связи и иных технических средств, компьютерных программ, информационных сетей или информационных систем при условии, что такой способ подписания: позволяет достоверно установить, что соответствующий документ подписан лицом или лицами, совершающими сделку, либо должным образом уполномоченными ими лицами, а также не противоречит законодательству и соглашению сторон (ч. 1 п. 1 ст. 161 ГК).

Из вышесказанного следует, что в контексте электронного оборота законодательством устанавливается возможность совершения сделки в

письменной форме лишь путем составления текстового документа в электронном виде (в том числе электронного документа), должным образом подписанного лицом или лицами, совершающими сделку, либо должным образом уполномоченными ими лицами.

Одновременно с этим возникает вопрос относительно того, к какой форме следует относить электронные сделки, которые совершаются, в частности, посредством такого распространенного в настоящее время способа, как обмен текстовыми сообщениями с использованием мессенджеров, социальных сетей или электронной почты, с помощью которых стороны обмениваются информацией, составляющей содержание сделки, а также согласуют существенные условия заключаемого договора.

Исходя из приведенных ранее доводов, следует, что форма данной сделки не может быть квалифицирована как устная (в силу опосредованного характера восприятия сторонами друг друга, а также выражения информации, составляющей содержание сделки, на материальном носителе, что не свойственно для совершения сделки в устной форме). Одновременно с этим данная сделка также не соответствует требованиям письменной формы сделки (в связи с отсутствием текстового документа, подписанного сторонами, совершающими сделку).

В законодательстве Российской Федерации данный пробел отсутствует, в силу приравнивания к письменной форме совершение лицом сделки: 1) с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки; 2) с использованием любого способа, позволяющего достоверно определить лицо, выразившее волю (ч. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ).

Соответственно, можно заметить, что российское гражданское законодательство, в отличие от белорусского, при совершении электронных сделок не требует обязательного наличия документа – достаточно возможности воспроизведения на материальном носителе содержания сделки (это могут быть, например, скриншоты переписок в мессенджерах), а также использования любого способа, который позволит достоверно определить лицо, выразившее волю (речь идет не только о подписи, но и об иных средствах идентификации).

Таким образом, принимая во внимание: а) особенности сложившегося делового оборота, которые зачастую предполагают необходимость возникновения договорных отношений путем обмена текстовыми сообщениями с использованием мессенджеров, социальных сетей, электронной почты; б) последствия действующей правовой регламентации письменной формы сделки, которые в том числе проявляются в ограниченном характере возможностей субъектов Республики Беларусь вступать в договорные отношения при использовании современных средств коммуникаций; в) допустимость расширительного толкования понятия «письменной формы сделки», возможность использования кроме подписи иных способов, которые позволяют определить лицо, выразившее волю на заключение договора; г) положения российского законодательства, следует

обоснованный вывод о необходимости совершенствования белорусского законодательства в части правовой регламентации письменной формы сделки посредством закрепления нормы, позволяющей приравнивать к письменной форме совершение лицом сделки: 1) с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки; 2) с использованием любого способа, позволяющего достоверно определить лицо, выразившее волю.

Аверина Е. А.

**ФУНКЦИИ И ФОРМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА
ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ ЗАКОНАМ РЕСПУБЛИКИ
БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

*Аверина Екатерина Алексеевна, магистрант Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл, Россия,
katya.averina.2000@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Яковлева С. А.

Изучение норм УПК Республики Беларусь и УПК Российской Федерации позволяет выявить следующие функции прокурора в досудебном уголовном процессе: уголовное преследование и прокурорский надзор. По УПК Беларуси полномочия прокурора по проверке сообщения о преступлении, возбуждению уголовного дела, собиранию, проверке и оценке доказательств, расследованию уголовного дела определяют формы его уголовно-процессуальной деятельности, характеризующие функцию прокурора по осуществлению расследования преступления. К тому же белорусский законодатель нормой ч. 4 ст. 34 УПК Беларуси наделил прокурора полномочиями следователя, что не свойственно деятельности прокурора по российскому уголовно-процессуальному закону.

Полномочия прокурора в России по расследованию преступления существенно ограничены с 01.07.2002 г., также сокращения прав прокурора произошли с 05.09.2007 г. Ограничение процессуальных полномочий прокурора не помешало законодателю возложить согласно ст. 86, 87 и 88 УПК РФ на прокурора права собирать, проверять и оценивать доказательства в досудебном уголовном процессе.

Однако прокурору не разрешено формировать доказательства по преступлению путем производства следственных и иных процессуальных действий. Возникает вопрос: какие процессуальные средства доказывания вправе применить прокурор? Казалось бы, ответ на поставленный вопрос содержится в ч. 1 ст. 22 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», позволяющей прокурору получать с граждан и должностных лиц объяснения. Однако отсутствие в УПК РФ указания приобщать к материалам проверки такие объяснения не позволяет в дальнейшем их использовать.

Для своевременного установления лиц, причастных к совершению преступления, обнаружения предметов, документов, орудий преступления